

Сквозь призму «Войны и мира»

Летом 2005 г. в Государственный Исторический музей (ГИМ) из Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника поступил на отзыв тематико-экспозиционный план (ТЭП) экспозиции «Герои романа Л.Н. Толстого “Война и мир” на Бородинском поле», подготовленный Е.В. Семенищевой. Во вступительной части ТЭП автор утверждала, что в романе Толстого «наиболее ярко и достоверно описано Бородинское сражение»¹. Это утверждение тогда же вызвало недоумение, так как речь шла о художественном произведении, где действуют, как известно, прежде всего литературные герои, вставленные более или менее удачно в исторический фон реальных событий. К тому же в описании событий отразился авторский взгляд на произошедшее. В результате читатель сталкивается на страницах романа с оригинальной художественно-философско-исторической концепцией Отечественной войны 1812 года, сложившейся в сознании автора.

В фактической недостоверности упрекали Толстого еще его современники-историки: А.Н. Витмер, П.С. Деменков, М.И. Драгомиров и др. Однако автору настоящей статьи хотелось лично убедиться в полноте и достоверности текста романа, а главное – освежить в памяти толстовское описание Бородинского сражения.

Итак, углубимся в текст «Войны и мира».

Шевардинский бой четырежды упомянут на страницах романа.

«24-го числа... в... вечер было большое сражение... Это было сражение 24-го числа при Шевардине»².

Далее: «Наполеон... 24-го... наткнулся в преследовании русского арьергарда на левый фланг позиции русских – на Шевардинский редут...»³

И наконец – кратко: «...потеря Шевардинского редута...»⁴ А ниже: «...взятие Шевардинского редута 24-го числа...»⁵

Захват неприятелем с. Бородино лишь обозначен двумя фразами.

«...К мосту через Колочу, который был между Горками и Бородиным и который в первом действии сражения (заняв Бородино) атаковали французы..., несмотря на неумолкающую стрельбу...»⁶

«...Когда дым застлал все поле, в этом дыму двинулись (со стороны французов) справа две дивизии Дессе и Компана – на флешу, слева полки вице-короля – на Бородино»⁷.

Гораздо «пространнее» описаны действия войск на Старой Смоленской дороге.

«Действия Понятовского против Утицы и Уварова на правом фланге французов составляли отдельные от хода сражения действия»⁸.

«...С одной стороны, была сделана русскими в половине дня демонстрация кавалерией Уварова, с другой стороны, за Утицей, было столкновение Понятовского с Тучковым; но это были два отдельные и слабые действия ...»⁹

Что до рейда Уварова–Платова, то он упомянут еще один раз: «С левого фланга кавалерия Уварова заставила бежать французов»¹⁰.

А что же сказано о боях за Семеновские флешу кроме того, что было приведено выше?

Во-первых: «...На левом фланге, у Багратиона, ужасная жарня идет»¹¹.

Во-вторых: «Перекрестная пальба пушек и ружей усиливалась... в особенности... там, где были флешу Багратиона...»¹²

В-третьих: «...У Семеновского, кипело что-то в дыму, и гул выстрелов, стрельба и канонада не только не ослабевали, но усиливались до отчаянности...»¹³

Наконец: «...Занятые французами флешу были опять отбиты, но... князь Багратион ранен»¹⁴.

И еще лишь два слова: «...взятие флешей...»¹⁵

Естественно, что наибольшее внимание Толстой уделил действиям на Центральном редуте, или Курганной батарее, где находился его главный

герой, и вокруг нее. Сначала, анализируя диспозицию к сражению, автор, забегая вперед, написал: «...Дивизии... Морана и Фриана не взяли редут, а были отбиты, и редут в конце сражения уже был захвачен кавалерией...»¹⁶

А через восемь страниц граф описал редут глазами своего героя: «Курган... был то знаменитое (потом известное у русских под именем курганной батареи или батареи Раевского, а у французов под именем «большого редута», «рокового редута», «центрального редута») место, вокруг которого положены десятки тысяч людей и которое французы считали важнейшим пунктом позиции. Редут этот состоял из кургана, на котором с трех сторон были выкопаны канавы. В окопанном канавами месте стояли десять стрелявших пушек, высунутых в отверстия валов. В линию с курганом стояли с обеих сторон пушки, тоже беспрестанно стрелявшие. Немного позади пушек стояли пехотные войска».

Герой романа «старался не помешать солдатам, заряжавшим и накатывавшим орудия, беспрестанно пробегавшим... с сумками и зарядами... Пушки с этой батареи беспрестанно одна за другой стреляли, оглушая своими звуками и застилая всю окрестность пороховым дымом. В противоположность той жуткости, которая чувствовалась между пехотными солдатами прикрытия, здесь, на батарее, где небольшое количество людей, занятых делом, было отграничено, отделено от других канавой, здесь чувствовалось одинаковое и общее всем, как бы семейное оживление»¹⁷. «К десяти часам уже человек двадцать унесли с батареи; два орудия были разбиты, и чаще и чаще на батарею попадали снаряды и залетали, жужжа и свистя, дальние пули. Но люди, бывшие на батарее, как будто не замечали этого: со всех сторон слышался веселый говор и шутки...»¹⁸ «После каждого попадания ядра, после каждой потери все более и более разгоралось общее оживление... В десять часов пехотные солдаты, бывшие впереди батареи в кустах и по речке Каменке, отступили. С батареи видно было, как они пробегали назад мимо нея, неся на ружьях раненых. Какой-то генерал... приказал прикрытию пехоты, стоявшему позади батареи, лечь, чтобы менее

подвергаться выстрелам. Вслед за этим в рядах пехоты, правее батареи, слышался барабан, командные крики, и с батареи видно было, как ряды пехоты двинулись вперед... Ряды пехотных солдат скрылись в дыму, слышался их протяжный крик и частая стрельба ружей. Через несколько минут толпы раненых и носилок прошли оттуда. На батарею еще чаще стали попадать снаряды. Несколько человек лежали неубранные, около пушек хлопотливее и оживленнее двигались солдаты... Солдаты подавали заряды, поворачивались, заряжали и делали свое дело с напряженным щегольством...»¹⁹ «Одно за другим свистели ядра и бились в бруствер, в солдат, в пушки... С боку батареи, справа, с криком “ура” бежали солдаты...»²⁰

Далее герой романа увидел издали захват батареи неприятелем, а затем и «плотные толпы бегущих русских солдат, которые, падая, спотыкаясь и крича, весело и бурно бежали на батарею. (Это была та атака, которую себе приписывал Ермолов...) Французы, занявшие батарею, побежали. Наши войска с криком “ура” так далеко за батарею прогнали французов, что трудно было остановить их. С батареи свезли пленных, в том числе раненого французского генерала. Толпы раненых... русских и французов, с изуродованными страданием лицами, шли, ползли и на носилках неслись с батареи...»²¹

Вот и все описание (если это можно назвать описанием) сражения, естественно, без толстовских рассуждений, разговоров и размышлений участников, безо всяких «если бы» и других чисто литературных эмоциональных вкраплений. Фактически описания нет! Но после прочтения XVIII–XXXV глав в пятой части романа кажется, что вы узнали все «о битве гигантов». И это вполне закономерно, ибо вы читали художественное произведение, причем читали о событии, с которым познакомились задолго до прочтения романа Толстого по курсу истории и литературы («Бородино» М.Ю. Лермонтова).

Приведенные факты не дают права профессиональному историку утверждать о «наибольшей достоверности» романа Толстого. Художественное произведение, хотя и гениальное, – ибо по характеру роман «Война и мир», бесспорно, является эпохальным творением, – не может быть во всем фактографичным. В противном случае он превратился бы в историографию.

Что до достоверности, то назовем лишь три примера вольностей Толстого-художника в приведенных фрагментах. Прежде всего, это описание Центрального редута как «окопанного канавами места», на котором стояли «лишь десять пушек, высунутых в отверстия валов». Не надо думать, что боевой офицер-артиллерист Л.Н. Толстой не знал, что такое редут, амбразура, и чем отличается пушка от единорога. Но Толстой-художник был пацифистом, о чем напоминает монолог Андрея Болконского с «вечно живыми» словами: «Война – самое гадкое дело в жизни...»²² Поэтому он и хотел вызвать у читателя отвращение к войне.

Трудно согласиться и с тем, что бой на Старой Смоленской дороге и рейд Уварова–Платова были «отделенными от хода сражения слабыми действиями». Но в этом утверждении проявилось толстовское отрицание роли личности в истории и абсолютизация воли Провидения.

И наконец, обращает на себя внимание заявление Толстого о том, что «вокруг центрального редута положены десятки тысяч людей». Этого не могло быть, так как общая цифра потерь с обеих сторон на всем поле сражения лишь немного превышала 80 тыс. человек. В это число входили убитые, раненые, без вести пропавшие, дезертиры и пленные. В этом высказывании Толстой сближается с другим пацифистом – художником В.В. Верещагиным, изобразившим нагромождение множества трупов у Центрального редута на картине «Конец Бородинской битвы».

Итак, экспозиция военно-исторического музея не может опираться на художественное произведение. В противном случае это будет литературная экспозиция. Но и такая экспозиция в военно-историческом музее не может

обойтись без анализа художественного произведения с точки зрения исторической полноты и достоверности. Иначе история превратится в сказку, а «сказка – ложь», как замечал А.С. Пушкин.

Открывая экспозицию зала №28^а в ГИМ, представлявшую Россию в наполеоновских войнах, руководитель «Роскультуры» заявил, что она будет хорошей иллюстрацией к роману «Война и мир», сквозь призму которого «наш народ» якобы воспринимает Отечественную войну 1812 года. Как человек сугубо штатский, к тому же театровед, воспитанный на сценических, т.е. вымышленных, образах, он глубоко заблуждался, желая таким образом превратить музейную историческую экспозицию в вымысел. К счастью, хотя такая попытка и не нова, и М.Е. Швыдкой в этом не является первооткрывателем, история была и останется наукой. А лживых историков еще великий М. Сервантес предлагал казнить как фальшивомонетчиков. К ним стоит присовокупить и тех, кто старается подменить историю, особенно историю нашей Родины, вымыслом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Семенничева Е.В.* Тематико-экспозиционный план «Герои романа Л.Н. Толстого “Война и мир” на Бородинском поле». Бородино, 2005. С. 3 (рукопись).
- ² *Толстой Л.Н.* Война и мир. М., 1912. Т. 2. С. 316.
- ³ Там же. С. 319.
- ⁴ Там же. С. 320, 321.
- ⁵ Там же. С. 342.
- ⁶ Там же. С. 351.
- ⁷ Там же. С. 360.
- ⁸ Там же. С. 320.
- ⁹ Там же. С. 360.
- ¹⁰ Там же. С. 367.
- ¹¹ Там же. С. 352.
- ¹² Там же. С. 354.
- ¹³ Там же. С. 360.
- ¹⁴ Там же. С. 367.
- ¹⁵ Там же. С. 364.
- ¹⁶ Там же. С. 344.
- ¹⁷ Там же. С. 353.
- ¹⁸ Там же. С. 354.
- ¹⁹ Там же. С. 357.
- ²⁰ Там же. С. 358.
- ²¹ Там же. С. 359.
- ²² Там же. С. 337.